

Беседа при свидетелях

Семейный портрет в интервью

Знакомство с прекрасной кинематографической парой - актрисой Натальей Белохвостиковой и режиссером Владимиром Наумовым - состоялось много раньше начала моей работы в 81-м году на «Мосфильме». Впервые я увидела Наталью Белохвостикову десятью годами раньше в фильме Сергея Герасимова «У озера», и сразу была покориена внутренним темпераментом и высокой нравственной силой юной хрупкой героини с выразительными огромными глазами. Критика и зрители в один голос заговорили о рождении новой звезды. Все последующие роли актрисы подтвердили это определение: блестящая высокомерная французская аристократка Матильда де ла Моль в «Красном и черном», Королева в «Стакане воды», Донна Анна в «Маленьких трагедиях» и другие.

Творческий и личный союз с Владимиром Наумовым (уже знаменитым кинорежиссером, поставившим в соавторстве с Александром Аловым фильмы «Мир входящему» и «Бег») обогатился блестящими киноработами - «Легенда о Тиле», «Тегеран-43», «Берег», «Десять лет без права переписки», «Белый праздник» по сценарию Тонино Гуэрра (последняя роль Иннокентия Смоктуновского).

Я не раз писала о каждом из них в отдельности. Сейчас же договорились, что «святое семейство» соберется вместе. Правда, это потребовало определенных усилий. Причина - тотальная занятость Владимира Наумовича - здесь подготовка и поиск денег для нового фильма, руководство студией «Союз» на «Мосфильме» и мастерской режиссуры во ВГИКе и масса других повседневных, неотложных дел (без этого напряженного режима представить его жизнь нереально)...

И вот наконец мы пьем ароматный чай в уютной квартире Наумовых-Белохвостиковых на Большой Грузинской. Мы - это Наталья-старшая (Белохвостикова), Наталья-младшая (Наумова) и автор этих строк. Пользуясь отсутствием, запаздывающего Владимира Наумовича и всеобщего любимца красавца добермана по имени Агат (гостившего в то время на даче у Наташиной мамы), вспоминаем милый нашему сердцу ВГИК, учиться в котором посчастливилось в разные годы каждой из нас. Наталья же младшая - выпускница нынешнего года. Мой первый вопрос Натальи-старшей:

- Вспоминаю твои рассказы о необычном поступлении в 16 лет и учебе во ВГИКе у прославленных Сергея Герасимова и Тамары Макаровой, о твоей воле и постоянном преодолении всевозможных обстоятельств: ты из семьи крупного дипломата, посла в Швеции, казалось, была предназначена для иной, светской жизни. Без киношных страстей и адского труда. Вот я подумала, что, наверное, постарайся убедить дочь заняться другой, неактерской профессией.

Н.Б. - Я никогда не думала об этом. В отличие от меня Наташка выросла в кинематографической среде, снималась в картинах Володи с детства и вопрос выбора, кажется, не возникал.

Н.Н. - Меня всегда привлекал ВГИК. Профессия актрисы дает много полезных навыков для жизни. Мне посчастливилось, как и маме. Я училась у прекрасного мастера, Армена Джигарханяна. Правда, из-за разногласий на кафедре он оставил наш курс буквально за два месяца до моего окончания института. Сюрприз. Пришлось защищать диплом ролью в последнем фильме папы «Белый праздник».

Н.Б. - Армен - блестящий актер, но представить в наше время, чтобы нас оставил мастер, - невозможно. Герасимову я обязана всем: он был гениальный педагог, мудрейший, образованнейший человек, тонкий психолог, он - сотворил из меня актрису. Ну скажи, кто сейчас отважится написать сценарий на восемнадцатилетнюю студентку и поставить такой сложный фильм, как «У озера». Картина длится три часа, без меня там всего одна единственная сцена. Это не тот вариант, когда сегодня на картину берется девочка, которая пошурует по темным дворам, набьет кому-то морду, разденется по ходу, оденется, вновь разденется и выпьет пол-литра.

«У озера» был снят весь на крупных планах. Работа проходила в 150 километрах от Иркутска. Я - второкурсница, да еще за первый досдавала экзамены. Ведь на первый курс я ходила «вольнотельничкой», потому что училась еще в школе. А тут репетиции к съемкам начались, потом эта желая экспедиция: у меня не было студенческой жизни, как у других нормальных людей. Я знала только одно: как не спать, как гримироваться, как сниматься крутые сутки без выходных. Никогда не забуду плавленый сыр, которым мы питались все время экспедиции - в глубинке есть тогда было нечего. (Е.К. - Это после гастрономических-то радостей Лондона и

Стокгольма, где тебе довелось пожить с родителями.) Я ни на одной студенческой вечеринке не была за все годы учебы.

Вообще, все воспоминания о ВГИКе связаны у меня с экстремальными обстоятельствами. На первом курсе по просьбе Коли Губенко (он тогда учился на режиссерском) репетировали ночью. У меня температура сорок. Какое-то инфекционное заболевание крови. За мной домой уже приехали врачи, чтобы с милицией в больницу забрать. А я репетирую...

- Наташа, ты что в космос себя готовила или в разведчики? К чему такие жертвы? Тебя и так любил, ты же была звездой.

Н.Б. - Да, звезда-то звезда, но нагрузки были непосильные. Некоторые мастера запрещали студентам сниматься. А Герасимов наоборот. Любил свои творческие планы связывать со своим курсом.

Помню, сдавали мы госэкзамен по танцу. Я только из Японии вернулась с фестиваля, до этого в Карловых Варах получила приз за лучшую роль в фильме «У озера». По дороге простудилась. Накануне сдавала вокал - пела низким хриплым голосом а-ля Высоцкий (экзаменаторы от смеха умирали). А тут мы с Колей Еременко первой парой танцуем. Встали к станку. Я один раз, другой ножкой махнула - и упала. Народ в комиссии опять веселится - думает, наверное, у меня комедийный дар открылся. А я лежу. Еременко с

мира Наумовича - всегда восхищалась его даром художника и большого эрудита.

Н.Б. - После того, как сгорела наша предыдущая квартира на Аэропорте десять лет назад, нам пришлось обживаться с нуля. Володя первым делом перепланировал комнаты, а во время оформления участвовали вместе. Ну как тут не поверить в судьбу. В тот день, когда случился пожар, я должна была ехать со Светланой Дружининой на премьеру «Принцессы цирка», но, естественно, не поехала. В это же самое время машина Дружининой попала в автокатастрофу, и слава Богу, что меня там не было, ибо место, на котором я должна была сидеть в машине, было раздавлено вмятку.

- Ну и альтернатива! Слава Богу, что все хорошо кончается! Тем более вам необходим тыл, покой. Быть вместе 24 часа в сутки - дома и на работе, наверное, непросто. Как вы решаете эту проблему, у вас есть особые приемы «отключения», ухода в «подполье»?

Н.Б. - Я бы сказала больше. Наш дом - это постоянный штаб фронта на вершине вулкана. Двери у нас практически не закрываются. Даже телефон не выдерживает нагрузки. То, что ты застала нас сегодня одних, - чрезвычайный случай...

Н.Н. - Наш папочка - цунами, тайфун и землетрясение, вместе взятые, перпетуум-мобиле. Каждую секунду у него рождаются

тут вспоминаем ваше знакомство, выясняем: чем это вы завожили молодую актрису и почему Наталья вышла за вас замуж?

В.Н. - Сам не знаю, не могу до сих пор понять, как ее угораздило совершить такую глупость (смеется). Она мне очень приглянулась, прямо скажу, еще в самолете...

- Ловко же вы маскировались тогда.

В.Н. - Ничуть. Это скорее режиссерский прием. Но она-то зачем вышла за меня - молодая, красивая, талантливая...

- К тому же самый молодой лауреат Госпремии Союза...

В.Н. - Могу вам честно сказать, что лично я женился на ней по расчету. Была невеста с приданным, а вышла по любви. Я вам признаюсь: из всего семейства я один обладаю несносным характером. Я шумливый, неуравновешенный субъект, может быть, бестактный. Они - мои Наташи - если брать какие-то сословные аналогии - имеют аристократизм, я - нет. Я всегда хочу сделать что-то хорошее для них, а выходит иногда наоборот, например, у нас с Натальей-маленькой существует давний спор по поводу, скажем, одной детали, ее внешнего облика...

- Владимир Наумович, вы, оказывается, классик не только в кино, но и в воспитании: участь в извечном споре «отцов» и «детей» не миновала и вас.

В.Н. - Это вопрос вкуса. Просто Наташа мне нравится больше одной, а она себе - другой.

Н.Н. - Человек должен быть разным.

В.Н. - Я не спорю. Но когда мы, к примеру, собираемся на официальный прием в итальянское посольство (у нас много друзей в Италии и посольстве в Москве), то я думаю, зная этот прекрасный интерьер здания посольства (кстати, один из интереснейших по архитектуре особняков старой Москвы), как должен выглядеть при этом человек. Тогда я использую по отношению к маленькой различные приемы... внушения, намеки...

Н.Н. - ...показа на себе.

В.Н. - ...наконец, унижения...

Н.Б. - Лена (смеется), не верьте в эти «намеки». (Всеобщий хохот.)

- Вы меня окончательно заинтриговали вашими тайнами. Владимир Наумович, ваш портрет мне теперь вполне ясен: домашний тиран.

В.Н. - Не известно еще, кто из нас двоих больше. Пока ничего не смог добиться. Она все выслушает спокойно, но делает по-своему. Очень интеллигентная барышня. Вообще, она хороша в любом виде.

- Быстро же вы слаетесь.

В.Н. - А как же иначе. Наш дом - это государство со своими законами, не могу назвать его демократическим, скорее, просвященная монархия. Один король - наш всеобщий любимец, которому подчиняются все беспрекословно, и даже Наташка. Это доберман Агат: затем - две королевы и царь - я, конечно (в этом месте рассказа поднялся невообразимый шум протеста со стороны присутствующих высоких дам). Когда в Доме Ханжонкова недавно семерым актрисам вручали призы имени Веры Холодной и Натальи Белохвостиковой тоже, тогда же один деятель из дворянского собрания отбыл о присутствии нашей маме титула баронессы. Вот я и придумал наше королевство. Мне же очень часто приходится выезжать за границу - нашей Грузинской... и каждый раз я стремлюсь поскорее вернуться восвояси к моим дамам, которых очень люблю и, честно вам признаюсь, жизни своей не представляю без них. Они, и особенно старшая, обладают необыкновенным тактом и вниманием в жизни вообще, и по отношению ко мне в частности, так мне кажется. Очень сожалею, что из-за суетности жизни не могу адекватно отвечать на эту заботу. Сегодня, например, она заставила меня пойти к врачу, хотя у меня не было ни секунды свободного времени. Но она записала меня, и пришлось подчиниться, чтобы не огорчать Наталью. Я очень люблю возвращаться в этот дом. До сих пор не могу понять, как это случилось, что баронесса вышла замуж за такого чудака, как я. Она мается из-за моего несносного характера, а я получаю от нее только положительные эмоции. Но есть во мне одно, быть может, единственное хорошее качество: я могу понять, что сделал неправильно, и раскаяться. У меня много знакомых, которые с упорством маньяка будут доказывать, что они правы. Я не таков. Для меня нет проблемы извиниться. Если обижу, очень страдаю. Ни разу не было, чтобы Наташа на мое движение не оглянулась. Понимает и прощает сразу. Она меня бережет.

Н.Б. - Это так естественно, просто мы пытаемся сделать все, чтобы нам всем было здесь уютно и тепло.

- Счастья и мира вашему замечательному дому и его властелину Агату, с которым мне так и не удалось познакомиться поближе. Надеемся на следующий раз.

Талгатом Нигматулиным (царство ему небесное!) подходят ко мне. А я как в тумане: «Сейчас, - говорю, встану». Позже, хирург определил: связки порвала. Меня в гипс запаковали. На экзамене по эстетике к Новикову меня уже на руках ребята несли. Я ною от боли, а им весело.

- Ну что ж, носить на руках звезду приятно. К тому же ты и тогда, и сейчас отличалась особым изяществом и хрупкостью. И дочери это пердалось: очень красивая стильная девушка. Не каждой нашей актрисе удается сохранять такую прекрасную форму. Диеты, наверное...

Н.Б. - Какие диеты! Когда готовилось к работе или снималось, во мне все замирает. Чувствую себя каждый раз как первокурсница от волнения и огромной ответственности. Нас так мастера воспитали. Помимо профессии они учили нас быть личностями. Не уверена, учат ли теперь этому во ВГИКе.

Н.Н. - Мне не показалось. У мамы был курс так курс. Все вместе, коллектив. У нас - все наоборот. Никто никому не интересен. Каждый сам за себя. Время, наверное, другое. Для меня огромный авторитет и, безусловно, профессиональная поддержка - мои родители. Моим партнером в фильме папы «Белый праздник» (это моя первая большая роль) был Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Было колоссально сложно и безумно интересно работать и просто общаться с выдающимся мастером. Для меня это был и пример профессионального мужества, верности. Вскоре после начала съемок Иннокентий Михайлович серьезно заболел - не выдержало сердце. Но уже через день он звонил папе из реанимации и обговаривал подробности роли в следующем эпизоде. Едва стало лучше - вернулся на площадку, под контролем врачей и завершил работу над этой ролью.

Н.Б. - Недаром в шутку говорят, что главное качество, необходимое актеру, - это здоровье. Например, снимали в Париже с Аленом Деломом сцену гибели его героя - полицейского из «Тегеран-43». Алёну надели на колени и локти специальные подушечки - чтобы было не больно падать, да еще каскадеров в придачу дали. Он падает, а я его поднимать должна - худенькая на подбуквах, он тяжелый, я вместе с ним лечу на бульварчик - естественно, вся разбилась...

- А что же режиссер - муж ведь все-таки? Мне всегда казалось, что Владимир Наумович очень внимателен к вам обеим.

Н.Б. - Так я же советская актриса, кинопроизводство - дело жесткое. Во время съемок приходится режиссеру следить за многими вещами одновременно, и, бывает, на мелочи не остается времени. Как правило, в самый последний момент возникают непредвиденные ситуации...

- А дома ситуация меняется? У вас замечательный дом, очень приятная атмосфера, уютно, замечательные картины Влади-

вероятные идеи, которые нужно в эту же секунду и осуществить. Это совсем не обязательно фильм. Просто ему всегда до всего есть дело. Такой характер.

В этом месте наш левичих разговор прерван появлением хозяина дома, который, едва поздоровавшись, удалился с телефонной трубкой в кабинет.

Н.Б. - Вообще я хотела бы сказать об одной особенности наших взаимоотношений: мы живем единым духовным мироощущением. Случаются вещи просто мистические: когда Володя только собирается мне о чем-то сказать, а я, его опередив, говорю о том же самом.

- Знатки уверяют, что это признак счастливой семьи. Вообще же бытует мнение, что режиссеры по природе - диктаторы.

Н.Б. - В работе дисциплина и твердость необходимы. Но дома - ситуация иная. Если мы с Наташей не согласны - только пожат плечами. Но когда мы позже делаем так, как он советовал, не забудет напомнить: «Ну, так что я вам говорил!» Я очень доверяю его мнению, вкусу. Касается ли это предложенной мне роли или прически, костюма. Одержимый, очень талантливый человек.

Н.Н. - Папа очень добрый, хотя мы частенько с ним спорим. То есть он говорит, я молчу, мысленно, может, с ним и соглашаюсь, но все же делаю по-своему.

- Наталья, а как вы познакомились?

Н.Б. - О, совершенно случайно. В самолете по дороге в Югославию. Я летела с фильмом «У озера», со мной должен был лететь другой режиссер, а в последний момент полетел Володя. Я не видела его фильмов, он не видел моего, поэтому разговаривали ни о чем, и особых впечатлений, кажется, друг на друга не произвели. Володя работал с какой-то рукописью, периодически доставая сигареты и размяв в руке их нюхал. Выяснилось, что он только что бросил курить, а курил с 14 лет, так я его никогда и не увидела курящим. В Белграде меня ожидала телеграмма о присуждении Государственной премии СССР. По этому случаю мы устроили небольшой сабантуй в отеле. А вскоре по возвращении в Москву Наумов с Аловым отправились в дом творчества Пидунды писать сценарий «Тилия». Володя отбирал у всех отдыхающих «пятнашки», (помнишь, тогда звонить по междугородному автомату можно было за 15 копеек) и с мешком металла называл мне в Москву и рассказывал разные смешные истории, пока не кончались монеты. Поженились мы через год. Сниматься я начала в «Тиле», когда Наташка было три недели. Устоять перед обаянием сильной талантливой личности было невозможно... (смеется)

В гостиную стремительным шагом входит Владимир Наумович - кажется, у него появилась свободная минутка. Наше чаепитие теперь происходит почти в полном составе (без Агата).

- Владимир Наумович, мы

Беседу вела Елена КАРАКОЛЕВА